

“Эксперт на все руки”, или о том, как можно, не написав ни одной научной статьи, быть экспертом по любым вопросам

Данный текст представляет собой рецензию на 11 заключений экспертов и 2 справки об исследовании, в производстве которых одним из экспертов / специалистов была Н. Н. Крюкова. В начале текста представлена информация о научной квалификации Н.Н. Крюковой.¹

Введение

Рецензирование заключений проводилось на предмет их обоснованности и соответствия общим требованиям, предъявляемым к подобным текстам, а именно:

заключение экспертов - текст, регламентируемый процессуальным законодательством и специальными законодательными актами, то есть как письменный документ, отражающий ход и результаты исследований, проведенных экспертом /экспертами;

заключение экспертов - текст, соответствующий научно-методическим рекомендациям (научной и практической основе в пределах соответствующих специальных знаний); научно-методические рекомендации обеспечивают объективность, всесторонность, полноту хода исследования и его результатов в области лингвистической экспертизы, в том числе в рамках комплексной. Иными словами: исследовалось, основываются ли представленные заключения на положениях, дающих

¹ Текст написан на основе экспертно-аналитического исследования, проведенного Д.Дубровским и .Сафоновой по запросу адвоката Д.В. Динзе. https://vk.com/@lada_preobrazhen-tak-nazyvaemyi-ekspert-krukova-natalya-nikolaevna-lingvo-soc

возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов на базе общепринятых научных и практических данных;

закключение экспертов не содержит юридическую квалификацию деяния, эксперты дают лингвистическую (или иную, соответствующую их специальности) оценку содержания материала; а именно: устанавливают признаки выраженного в материале значения, важные для принятия решения по делу;

эксперты не устанавливают те обстоятельства, которые не получили отражения в материале (тексте, видеозаписи, аудиозаписи); эксперты устанавливают только выраженную в тексте цель автора (речевую, коммуникативную), не устанавливая реальные цели и мотивы деятельности субъектов деяния;

при анализе материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму, терроризму, в компетенцию экспертов не входит установление воздействия, реально оказанного на адресата.

Специальные знания эксперта /специалиста — это научные знания неправового характера в совокупности с применением адекватных (признанных) прикладных методик (как общих, так и частных) в определенной области (в данном случае — в лингвистике, шире — в филологии); эти подходы, методы как научные основы и методики как практические основы используются при решении экспертных задач, заключенных в вопросах, которые поставлены на разрешение эксперта, для достижения определенных юридических целей.

Общепризнанные научно-методические основы лингвистической экспертизы (в том числе в рамках комплексной) изложены в изданиях, базирующихся на едином методологическом подходе. Все указанные далее издания прошли рецензирование и апробирование, одобрены научным и экспертным сообществом (№ 3-6 рекомендованы для применения Национальным Антитеррористическим комитетом) ². Важно, что указанные методики базируются на едином методологическом подходе.

Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста. Теоретические основания и практика. М., 2007.

² Список изданий не включает иные научно-методические источники, вышедшие после производства рецензируемых исследований.

Кузнецов С. А., С. М. Оленников С. М. Экспертные исследования по делам о признании информационных материалов экстремистскими: теоретические основания и методическое руководство (научно-практическое издание). М., 2014.

Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму/ Кукушкина О. В., Сафонова Ю. А., Секераж Т. Н. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2014.

Назарова Т. В., Гримайло Е. А., Мамаев Н. Ю., Коршиков А. П., Ростовская А. В. Лингвистическое исследование устных и письменных текстов// Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств: Ч. I / Под ред. канд. техн. наук Ю. М. Дильдина. М., 2007. С. 243-292.

Теоретические и методические основы производства судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму // Подготовлены Кукушкиной О. В., Сафоновой Ю. А., Секераж Т. Н.; Государственное учреждение Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации (РФЦСЭ при Минюсте России). М., 2011.

Типовая межведомственная методика комплексной психолого-лингвистической экспертизы по делам, связанным с проявлением экстремизма и терроризма (№ 11/П/2-184). Одобрена и рекомендована к применению НАК (протокол от 12.02.2019 № 11/П/2-180ДСП).

В рамках комплексной психолого-лингвистической экспертизы лингвист устанавливает, что конкретно сказано (показано), какой компонент значения выражен и какими языковыми и паралингвистическими средствами; психолог, на основе верифицированного лингвистом, устанавливает направленность материала с точки зрения формируемых у адресата социальных установок.

Исходя из задач, стоящих перед экспертом-лингвистом, он должен владеть методами семантического описания значений языковых единиц и приемами экспликации имплицитно выраженных значений.

1. О научной квалификации Н. Н. Крюковой

Крюкова Наталья Николаевна – имеет высшее образование по специальности математика, квалификация учителя математики (1981). Диссертация на соискание степени кандидата педагогических наук была защищена ею в 1987 г. в НИИ художественного воспитания (Академия педагогических наук СССР) по специальности 13.00.01 «Общая педагогика, история педагогики и образования» на тему «Формирование эстетических суждений старшеклассников в процессе внеклассных занятий по искусству».³

В Российском институте культурологии РАН Крюкова работала в должности старшего научного сотрудника с июля 1992 г., в должности заместителя директора по общим (то есть административно-хозяйственным) вопросам с 2003 г.. Стаж работы в институте 19 лет. Некоторое время занимала должность начальника Экспертного отдела Российского института культурологии (РИК). В 2012 г. работа института была признана неэффективной, он был преобразован. Н.Н. Крюкова в новом институте уже не работала.

После преобразования РИК Крюкова Н.Н. зарегистрировала автономную некоммерческую организацию по развитию социокультурной деятельности – «Центр социокультурных экспертиз» (далее – АНО). Ее учредителями являлись Батов В.И. и Крюкова Н.Н. Крюкова в этой АНО занимает должность Генерального директора⁴.

При установлении по данным открытых источников научных интересов Н.Н. Крюковой выяснилось, что Н.Н. Крюкова не имеет научных публикаций: при поиске в системе elibrary не удалось найти ни одной ее научной, научно-популярной или методической работы, в том числе тезисов на каком-либо научном мероприятии (конференции и т.п.). Таким образом, определить компетентность Н.Н. Крюковой в

³ <https://search.rsl.ru/ru/record/01000134046>

⁴ См. данные на 26.06.2021 см. <https://www.rusprofile.ru/id/9668883>

какой-либо области гуманитарного или социального знания (исключая общую педагогику, историю педагогики и образования, по которой Крюковой была защищена кандидатская диссертация), не представляется возможным. Ее единственная известная работа: диссертация на соискание степени кандидата педагогических наук, - была написана и защищена более сорока лет тому назад и не имеет никакой связи ни с собственно экспертной деятельностью, ни с научными дисциплинами, в которых Н.Н. Крюкова выступает в рецензируемых заключениях в качестве эксперта. Напомним, что в число таких дел входят и дела, связанные с противодействием экстремизму, терроризму.

Некоторые факты. Апелляционным определением Судебной коллегии Московского областного суда от 24.02.2014 г. по делу № 33-1239/14 было установлено, что Крюкова Н.Н. не обладает специальными познаниями в области филологии и лингвистики. На отсутствие у нее соответствующей компетенции указывалось и в размещенной в СМИ позиции прокуратуры и Московского городского суда⁵.

В ходе допроса в качестве эксперта в Курганском городском суде 01.09.2015 г. Крюкова Н.Н. пояснила, что имеет квалификацию учителя средней школы, защитила кандидатскую диссертацию по теме «История педагогики», специального образования и стажа работы в сфере лингвистики не имеет. Сообщила суду, что лингвистика и религиоведение при проведении экспертизы исполняли лишь «служебную роль» (протокол допроса эксперта судом см. Приложение 2).

Допрошенная в Одинцовском городском суде Московской области 15.12.2016 г. Крюкова Н.Н. пояснила, что не имеет дипломов филолога и психолога. В ходе допроса 21.11.2016 г. в Сергиево-Посадском городском суде Московской области она показала суду о том, что диплома культуролога она также не имеет⁶.

⁵ «Скандалом закончилось вчера в Мосгорсуде судебное следствие по делу о вымогательстве взятки \$15 млн у президента ООО "Росэнергогаз" Владимира Палихаты. Судья Николай Ткачук усомнился в компетенции известного эксперта- лингвиста Наталии Крюковой — автора целого ряда громких экспертиз, в том числе по делу Pussy Riot и фильму "Невинность мусульман", и на этом основании отказал защите в ее допросе и оглашении перед присяжными ее лингвистического исследования телефонных переговоров обвиняемых. Адвокат осужденных за хулиганство участниц Pussy Riot уже заявил, что намерен использовать решение судьи Ткачука в интересах своих подзащитных». (Александр Жеглов «Взятничество и хулиганство говорят на разных языках»// "Коммерсантъ", №190 от 10.10.2012, стр. 5 <https://www.kommersant.ru/doc/2041044>

⁶ Культурология является отдельной специальностью (033000).

Таким образом, научно-профессиональная компетенция Н.Н. Крюковой не соответствует требованиям наличия специальных научных познаний в следующих областях: филологии, лингвистики, культурологии, религиоведения, социологии, психологии.

2. Превышение порога компетентности

Основным требованием к эксперту, привлекаемому к проведению специальной судебной экспертизы, является «наличие специальных познаний». Довольно трудно определить, какими именно познаниями обладает Н.Н. Крюкова, исходя из ее образования, однако не менее трудно определить это, анализируя экспертизы, в производстве которых она принимала участие.

В рецензируемых исследованиях, Н.Н.Крюкова выступает то как лингвист, то как культуролог, то как психолог, то как религиовед, то как сексолог. Впрочем, довольно сложно определить, за какую дисциплину отвечает именно она, поскольку все рецензируемые исследования подписаны соавторами совместно (см п.3 настоящего текста), что противоречит законодательным (в том числе процессуальным) требованиям, предъявляемым к специальной судебной экспертизе. Все исследуемые тексты связаны с обсуждением в суде деятельности религиозной организации «Свидетели Иеговы» и проведенных по этим делам экспертизах, в которых Н.Н. Крюкова выступает в качестве эксперта.⁷

В Заключении № 228/15⁸ Н. Н. Крюкова выступает как религиовед. В нем, без всякого разделения на компетенции, исследуются религиозные тексты – брошюры религиозной организации «Свидетели Иеговы»⁹. Крюкова и ее коллеги приходят к

⁷ Решением [Верховного суда РФ](#) деятельность религиозной организации «Управленческий центр свидетелей Иеговы в России» и всех его региональных 395 отделений признана экстремистской и запрещена на территории страны.

⁸Список анализируемых работ Н.Н.Крюковой представлен в приложении 1, нумерация соответствует внутренней нумерации АНО «Центр социокультурных экспертиз»

⁹ 20 апреля 2017 года решением [Верховного суда Российской Федерации](#) деятельность религиозной организации «Управленческий центр свидетелей Иеговы в России» и всех его региональных 395 отделений признана экстремистской и запрещена на территории [России](#) (<https://www.interfax.ru/russia/559318>)

выводу о наличии в них «оправдания необходимости осуществления агрессивных, насильственных, жестоких действий, направленных против человека в связи с его религиозной принадлежностью» (с. 201). Такой вывод сделан на основании предсказания, что при Армагеддоне будут уничтожены «все враги Бога». Вряд ли стоит обосновывать вопиющую некомпетентность авторов в трактовке религиозных текстов.

Крюкова Н. Н. выступает и в качестве эксперта по делам, связанным с половой неприкосновенностью несовершеннолетних. Так, в Заключении № 271/18 Н.Н. Крюковой и А.Е. Тарасову (кандидату политических наук) удалось провести психолого-лингвистическую экспертизу по делу Х, обвиняемого в совершении развратных действий в отношении лица, не достигшего 12-летнего возраста. В этой экспертизе, в частности, преподаватель математики (Крюкова Н. Н.) и политолог делают вывод относительно наличия в переписке «тривиализации сексуальных отношений», а также девиантных отношений, к которым авторы относят «лесбийский секс, изнасилование женщины мужчиной» и др. (с. 123).

В Справке об исследовании 53/15 Н.Н. Крюкова выступает уже как культуролог. Перед ней ставится задача выявить «социокультурную направленность текста» (брошюры религиозной организации Свидетели Иеговы¹⁰). Усилия приводят автора к выводу, что данные тексты

«направлены на ликвидацию социальной организации общества, во всех ее формах, как самостоятельных, так и институциональных. Все положения и выводы в указанных текстах носят глобальный характер (надрегиональный и надгосударственный) характер. Эти положения не имеют каких-либо региональных культурных привязок, чем способствуют разрушению этнокультурной идентичности. Игнорирование самого понятия государства и декларирование “нейтральности” по отношению к нему (а, по сути, отказу от гражданских обязанностей) направлено на размывание чувства гражданской

¹⁰ Решением [Верховного суда РФ](#) деятельность религиозной организации «Управленческий центр свидетелей Иеговы в России» и всех его региональных 395 отделений признана экстремистской и запрещена на территории страны.

принадлежности и способствует подрыву национальной и государственной безопасности» (с. 66).

Подобные утверждения не только носят очевидно правовой характер (так, вывод о предполагаемом «подрыве национальной и государственной безопасности» может делать только суд, а не эксперт), но и требуют определенных специальных познаний в политических и социальных науках. Наличие таковых у Н.Н. Крюковой ничем не подтверждено. Наконец, само по себе утверждение является попросту ложным, поскольку любое религиозное учение ставит религиозную принадлежность над национальной, и любая религиозная традиция является «наднациональной», универсальной по своему характеру. Установление связи такой традиции с «размыванием гражданской принадлежности» и «подрывом национальной и государственной безопасности» не выдерживает никакой критики.

В Заключении № 382/16 Н.Н. Крюкова (и А.Е. Тарасов) приводят материалы по истории и символике Третьего Рейха, а также пытаются определить, что такое раса и расизм (с. 18-19). Таким образом, в данном Заключении Н.Н. Крюкова выступает уже от имени социологии или социальной антропологии.

В Заключении № 311/13 предполагается описание результатов психолого-лингвистической экспертизы, здесь Н.Н. Крюкова выступает как лингвист (за психологию в этой экспертизе отвечает В.И. Батов). В этой экспертизе Крюкова обозначена как «начальник Экспертного отдела Российского института культурологии», что не проясняет, какие именно специальные знания применяет Н.Н. Крюкова в этом исследовании.

В Заключении № 401/17 Н. Н. Крюкова (и В.И. Батов, В.С. Котельников, А.Е. Тарасов) обозначена уже как «эксперт-культуролог». Вместе с психологом (В.И. Батовым), она проводит «анализ коммуникативной ситуации» при исследовании религиозных текстов Свидетелей Иеговы (далее С), упрекая их в «агрессивном маркетинге». Культуролог Н.Н. Крюкова (и психолог В.И. Батов) утверждают, что в исследуемых текстах якобы негативно оценивается

«общество [которое] в целом персонифицируется объектами и понятиями, так или иначе ассоциируемыми с государством, например, правоохранительные органы или иные государственные институты, системы образования или медицинской помощи...»

Совершенно непонятно, каким образом такой вывод соотносится с коммуникативной ситуацией, и, в то же время, такой вывод также напрямую является выходом за пределы профессиональной компетенции культуролога и психолога.

В синтезирующей части этого Заключения Н.Н. Крюкова присоединяется к утверждениям других экспертов, подготовивших этот текст, что Свидетели Иеговы¹¹ «не принадлежит к числу традиционных для Российской Федерации религиозных конфессии» (с.121), что является для экспертов одним из основных аргументов в пользу того, почему СИ должны пониматься как опасная здоровью россиян «секта». Такого рода аргумент распространен среди сторонников «антикультизма», которые все так или иначе «непохожие» или «нетрадиционные» религиозные системы рассматривает через призму их «вредоносности»¹².

Наконец, Н.Н. Крюкова (и др.) обвиняет СИ¹³ в действиях «направленных на насильственное изменение основ конституционного строя Российской Федерации», «необходимость нарушения целостности Российской Федерации», о порочности представителей других конфессий и «призывы к воспрепятствованию законной деятельности органов государственной власти и религиозных объединений, связанные с угрозой применения насилия» (с.123-125). Подобные выводы напрямую выходят за

11 20 апреля 2017 года решением [Верховного суда Российской Федерации](#) деятельность религиозной организации «Управленческий центр свидетелей Иеговы в России» и всех его региональных 395 отделений признана экстремистской и запрещена на территории [России](#).

¹² См. И. Я. Кантеров. Антикультовое движение // Религиоведение / Энциклопедический словарь. — М.: Академический проект, 2006. — С. 48.

¹³ Решением [Верховного суда РФ](#) деятельность религиозной организации «Управленческий центр свидетелей Иеговы в России» и всех его региональных 395 отделений признана экстремистской и запрещена на территории страны.

пределы профессиональной компетенции культуролога и в то же время являются ответами на правовые вопросы.

Таким образом, не имея специального образования, специальных познаний, подтвержденной научной (в том числе научно-практической деятельностью) квалификации, каких-либо научных работ (трудов, публикаций, докладов) в области филологии, лингвистики, культурологии, религиоведения, социологии, сексологии, психологии, Н.Н. Крюкова на протяжении многих лет выступает в роли ученого-эксперта, специалиста в этих научных дисциплинах.

3. Несоблюдение процессуальных требований при проведении комплексных исследований

Исследуемые заключения экспертов назначены как комплексные (№ 309/13, 311/13, 381/13, 381/13а, 382/16, 147/16с, 05/17, 250/17, 252/18, 271/18 - психолого-лингвистические; № 228 /15 235/15с, 401/17 – психолого-лингвистическая, религиоведческая).

При производстве комплексных экспертиз каждый из экспертов решает вопросы, относящиеся к его компетенции, и отражает ход исследования в отдельной части (например: Психологическое исследование; Лингвистическое исследование; Религиоведческое исследование), делая выводы, которые подписывает единолично. В синтезирующей части эксперты соотносят свои выводы и приходят либо к общим выводам (подписывают выводы вместе), либо к отдельным (каждый эксперт подписывает только свои выводы). Эти требования к структуре комплексной экспертизы прямо вытекают из законодательных требований¹⁴.

¹⁴«В заключении экспертов, участвующих в производстве комплексной экспертизы, указываются, какие исследования и в каком объеме провел каждый эксперт, какие факты он установил и к каким выводам пришел. Каждый эксперт, участвующий в производстве комплексной экспертизы, подписывает ту часть заключения, которая содержит описание проведенных им исследований, и несет за нее ответственность.] Общий вывод делают эксперты, компетентные в оценке полученных результатов и формулировании данного вывода. Если основанием общего вывода являются факты, установленные одним или несколькими экспертами, это должно быть указано в заключении» (ст. 23 №73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 31.05.2001)

В указанных экспертных заключениях (исключая № 401/17) **весь объем текста (всё исследование) подписан экспертами совместно**; в заключениях отсутствуют сведения о том, какие исследования и в каком объеме провел каждый из экспертов, какие факты он установил и к каким выводам пришел. Раздельное подписание экспертами частей заключений, относящихся к разным областям специальных знаний, является необходимым условием производства экспертиз¹⁵.

Оценка обнаруженного в анализируемых заключениях нарушения действующего законодательства носит правовой характер, лежит за пределами специальной компетенции и является прерогативой суда. Однако прямым следствием описанного положения дел (невозможность идентификации автора той или иной части заключений) является абсолютная невозможность убедиться, что при производстве экспертиз выполнено требование закона о том, что каждый эксперт должен оставаться в пределах своей компетенции.

Эксперт Крюкова Н. Н., решая совместно вопросы и подписывая совместно весь объём текста экспертизы, создает неустранимые сомнения в своей компетенции.

4 Обстоятельства дела

Заключение эксперта должно содержать раздел «Обстоятельства дела», в котором эксперт излагает факты, известные ему из постановления/ определения и могущие иметь значение для производства экспертизы. По сути обстоятельства дела – это исходные данные, «предлагаемые» обстоятельства, за пределы которых эксперт не должен выходить. В разделе «Обстоятельства дела» указывают также статьи УК или ГК, так как разным статьям соответствуют разные экспертные задачи и, соответственно, применяются разные частные методики для их решения.

¹⁵ Ст. 7 и 8 закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» устанавливает определенную и ограниченную процессуальную компетенцию эксперта, участвующего в производстве экспертиз для суда.

В Заключениях № 309/13, 311/13, 381/13, 381 /13а, 228 /15, 235/15с, 382/16, 147/16с, 05/17, 250/17, 401/17, 252/18, 271/18 названный раздел не содержится, что в некоторых случаях приводит экспертов, в том числе Крюкову Н. Н., к подмене объектов исследования (см., например, далее о № 309/13).

5 Ненадлежащий объект исследования

Согласно ст. ст. 16, 41 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности» эксперт обязан провести полное исследование представленных ему объектов и материалов дела, дать обоснованное и объективное заключение по поставленным перед ним вопросам. Другими словами, эксперт должен исследовать именно предоставленный ему на исследование объект.

В справке об исследовании № 235/15 Крюкова и др. указали в качестве объектов исследования 86 печатных изданий и 4 компакт-диска (с. 2-5). Однако в исследовательской части упомянуты только 12 печатных изданий, тогда как выводы отнесены ко всем материалам, представленным на исследование (описания всех объектов в № 235/15 тоже не содержится). Таким образом, исследование 90 объектов, предоставленных заказчиком, было заменено анализом 12 из них.

6 Объективность. Полнота исследования. Обоснованность выводов (ходом исследования)

В № 309/13 вопросы, поставленные на разрешение, относились к устным текстам. (Вопросы № 1, 2: «*Имеются ли в представленных на экспертизу видеозаписях...*»; вопрос № 3: «*В каких именно высказываниях выступающих...*»; вопрос № 4: «*В чьих именно высказываниях (каких лиц, отраженных на видеозаписях)...*».) Однако эксперты исследуют только печатные тексты, о чем прямо пишут: «*Прослушанные аудиотексты по содержанию совпадают с представленным протоколом, видеосюжет для анализа дополнительных данных для ответа на поставленные вопросы не дает, поэтому проводилась экспертиза только текста*» (с. 158).

Как эксперты установили совпадение содержания, не ясно – в исследовании не содержится каких-либо указаний на то, что было проведено дополнительное исследование по установлению дословного совпадения текстов (такие исследования проводят специалисты-фоноскописты). Очевидно, что эксперты смешивают содержание текстов и их дословное совпадение. Известно, что различающиеся по языковым средствам тексты (то есть не совпадающие дословно) могут выражать один и тот же смысл, быть одинаковыми по содержанию (что является общепризнанным научно обоснованным подходом). Что имели в виду эксперты, говоря о «*совпадении содержания*», не ясно. В результате, на исследование экспертов представлен устный текст, а анализируется ими письменный.

В этом же № 309/13 в выводе (по вопросу № 4) эксперты упоминаются лиц «*брат Сивак Андрей*», «*неизвестный мужчина в светлом галстуке и белой рубашке*». В исследовательской части эти лица не упомянуты. В исследовании не содержится ни высказываний этих лиц (что именно они говорили), ни анализа этих высказываний. Эксперты не установили, кому именно принадлежат высказывания, приведенные в исследовательской части. Тем самым, вывод по вопросу № 4 **не обоснован** ходом исследования

В 235/15с **не содержится** исследовательской части как таковой. В разделе «*Описание материалов*» (с. 16) эксперты указывают: «*В представленном ниже описании применительно к каждому изданию приведены основные цитаты, подтверждающие принадлежность материалов к вероучению Свидетелей Иеговы, а также указывающие на признаки обоснования или оправдания тех или иных социальных действий*». Далее на с. 17-50 следуют только цитаты, никаких признаков их анализа не представлено. Тем самым, выводы в № 235/15с **не обоснованы** ходом исследования.

Таким образом, в указанных исследованиях вместо представленной на исследование устной речи Крюкова (и др.) исследуют печатные издания, печатные издания либо исследуются выборочно, либо объекты исследования подменяются.

7 Методологическая и научно-методическая база

В № 235/15, 382/16, 147/16с, 05/17, 250/17, 401/17, 252/18, 271/18 в списки литературы включено издание *«Теоретические и методические основы производства судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму // Подготовлены Кукушкиной О.В. и др. М., 2011»*¹⁶, при этом **ни один из лингвистических (и психологических) подходов, методов, о которых идет речь в указанном издании, не применен, более того – эти подходы и методы фальсифицируются** Н. Н. Крюковой (и др.).

Так, в издании *«Теоретические и методические основы производства судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму»* указано, что лингвистическое исследование включает трехкомпонентный анализ, которому предшествует анализ коммуникативной ситуации (в том числе анализ автора, адресата):

- 1) предметно-тематический анализ (установление экспертно значимого предмета речи: что именно о нем сказано, содержательный тип высказывания: информирующий, оценочный, планирующий, побудительный);
- 2) оценочно-экспрессивный (анализ выраженного отношения к предмету речи):
 - кому принадлежит оценка (автору текста или кому-либо еще);
 - что является непосредственным объектом оценки – предмет речи или его действия, поведение, какой-то его признак;
 - чем обосновывается, мотивируется оценка
- 3) анализ речевой цели
 - каков речевой жанр текста (фрагмента текста), в которое входит высказывание;
 - соответствует ли жанру речевая цель высказывания;

¹⁶ Курсивом, заключенным в кавычки, даны цитаты из заключений в полном соответствии с текстом. Орфография, пунктуация, грамматика, лексика сохранены.

- какие текстовые функции выполняет высказывание: имеется ли у него особая риторическая функция (аргумент, вывод и пр.), занимает ли оно сильную текстовую позицию (н-р, заголовок).
- соответствует ли выраженная речевая цель коммуникативной ситуации.¹⁷

Установление этих значимых элементов текста должно быть представлено в исследовании, если авторы исследования заявляют, что ориентируются на изложенные в этом издании подходы и методы.

Заметим, что указанное издание («Теоретические и методические основы производства судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму» (М., 2011)) не содержит собственно методики (что отражено и в названии). Методика изложена в издании «Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму» (М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2014). В совокупности два эти издания обеспечивают научные и практические основы (в жанре частной методики) подобных исследований, реализуя принцип объективности исследования (см. ст. 8, 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 31 мая 2001 г.).

В № 382/16, 05/17, 250/17, 401/17 Крюкова Н. Н. ссылается на «Теоретические и методические основы...», но **не следует** заявленным в издании подходам, методам; игнорируя, **искажает** их, **подменяет** подходами и методами, не соотносимыми с объектами исследования (см. об этом далее). Весь «анализ» объектов ведется с точки зрения обыденного, ненаучного представления о языке и языковых средствах. Но ссылка на признанную методику позволяет представить производство экспертизы как соответствующее требованиям, предъявляемым к подобным текстам. В заключениях по делам, связанным с противодействием экстремизму, терроризму, выпущенных экспертом Н. Н. Крюковой (и др.) в 2015-2017 гг., Крюкова (и др.) не обращается к указанной методике. Таким образом, мы делаем вывод о том, что в № 382,16, 05/17,

¹⁷ См. с. 206-241 части III «Методика решения основных экспертных задач»

250/17, 401/17 Крюкова (и др.) **фальсифицирует** научные и практические основы экспертных исследований.

С другой стороны, в № 252/18, 271/18 по делам, связанным с нарушением половой неприкосновенности несовершеннолетних, эксперты заявляют о том, в основу экспертных задач ими положены подходы, изложенные в «Теоретических и методических основах...»), но не указывают, какие именно разделы из указанного издания используются. Как следует уже из названия методического пособия, оно ориентировано на анализ спорных текстов, связанных с так называемым языком вражды. Обращение к нему в делах иной направленности требует уточнения разделов, используемых экспертами.

Следовательно, № 235/15, 382/16, 147/16с, 05/17, 250/17, 401/17, 252/18, 271/18 **не соответствуют** установленным ст. 8 закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» **принципу объективности исследования**¹⁸ и **принципу проверяемости (верификации)** выводов эксперта¹⁹.

В № 382/16 (с. 3-5), 147/16с (с.10, 2), 05/17 (с. 3-5), 401/17 (с. 13-15) Крюкова Н.Н. указывает, списывая (без ссылки на источник) у Зелинского С.А.²⁰: «[С]редства массовой коммуникации (СМК) включают различные формы коммуникации. Так, телевидение и кино использует слова устного языка²¹, картинки, музыку, газета – слова письменного языка, шрифты, иллюстрации и т.п.». Н. Н. Крюкова (вслед за Зелинским, цитируемым без ссылки и должного критического отношения к нечетко сформулированной мысли первоисточника) полагает, что устная форма русского языка имеет свой набор слов, а письменный – свой. (То, что это не так, известно и школьнику.)

18 Этот принцип состоит в том, что «[Э]ксперт проводит исследования объективно, на строго научной и практической основе...»

19 Этот принцип состоит в том, что «[З]аключение эксперта должно основываться на положениях, дающих возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов на базе общепринятых научных и практических данных»

20 Зелинский С.А. Информационно-психологическое воздействие на массовое сознание. Средства массовой коммуникации, информации и пропаганды – как проводник манипулятивных методик воздействия на подсознание и моделирования поступков индивида и масс» СПб.: Издательско-Торговый Дом «СКИФИЯ», 2008. – 407 с. <http://evartist.narod.ru/text24/0007.htm>

21 Здесь и далее подчеркнуто нами. – Д. В., Ю. С.

Такого рода утверждения **не соответствуют** научным основам представлений о языковой системе, что позволяет говорить, об отсутствии у Крюковой знаний и навыков использования понятийного и терминологического аппарата лингвистики. По сути, в своих исследованиях Н. Н. Крюкова представляет обыденное понимание языка и его единиц. В дополнение к этому, заявленный ею *информационный подход* и приведенные в методическом разделе экспертизы понятия ни разу не применяются в исследовательской части, то есть никаким образом ни логически, ни практически не связаны с ходом исследования.

В № 309/13 эксперты в разделе III «*Основания применяемых методик психолингвистического анализа текста*» указывают, что «*психологический (психогерменевтический) анализ текста сводится к исследованию не понимаемого (истинного) смысла текста, а к изучению субъективных оснований его истолкования*» (с. 163, 164). Основания и/или процедуры такого «*психогерменевтического анализа текста*» не проясняются, но само заявление, что исследуется не сам текст, а его субъективное восприятие неизвестно кем (видимо, ею и др.), указывает на **несоответствие действий Н.Н.Крюковой принципу объективности.**

Та же проблема с соответствием принципу объективности возникает и в работе Н.Н. Крюковой (и др.) по «анализу» религиозных текстов. Так, Крюкова Н.Н. в ходе её допроса в качестве специалиста в Одинцовском городском суде Московской области (15.12.2015 г.) и во время допроса в качестве эксперта в Сергиево-Посадском городском суде Московской области (21.11.2016 г.) сообщила, что эксперты АНО «Центр социокультурных экспертиз» оценивают печатные тексты и акты речевой деятельности с позиции того, к какому религиозному направлению принадлежит их автор. По этой причине одни и те же словесные конструкции экспертами АНО ЦСЭ оцениваются по-разному – в зависимости от того, выражены они, например, представителем Русской Православной Церкви или Свидетелем Иеговы²² Такого избирательный подход прямо

²² Эти материалы приводит адвокат Виктор Женков со ссылкой на протоколы заседания суда. «Крюкова в ходе её допроса в качестве специалиста в Одинцовском городском суде Московской области в декабре 2015 года и во время допроса в качестве эксперта в Сергиево-Посадском городском суде Московской области в ноябре 2016 года дала показания о том, что эксперты АНО оценивают печатные тексты и акты речевой деятельности с позиции того, к какому религиозному направлению принадлежит их автор» <https://www.svoboda.org/a/28522060.html>

противоречит общепринятому в науке и особенно требуемому в специальной судебной экспертизе принципу объективности.

Принципу обоснованности и достоверности сделанных выводов на базе общепринятых научных и практических данных не соответствуют и использование в работе методов, не относимых к объектам исследований. Рассмотрим несколько примеров соответствующих нарушений в анализируемых экспертизах, проведенных Н.Н.Крюковой и ее коллегами.

В № 309/13 (л. д. 158, 159), 228/15 (л.д. 159, 160), 382/15 (с. 6, 7), 05/17 (с.6, 7), 250/17 (с. 5, :6), 401/17(с. 18-20) в разделах, отражающих методические и методологические подходы, вводится термин (понятие) «*агрессивный текст*», который не является ни общепринятым в научном сообществе, ни методически обоснованным с точки зрения ответов на вопросы, поставленные на разрешение экспертов.

[цит. по 228/ 15]

Под «агрессивным текстом» понимается текст (в широком, семиотическом смысле — т.е. набор знаков), направленный на передачу определенного эмоционального состояния читателю.

Агрессивный текст характеризуется

- обилием негативно окрашенной лексики;*
- все стороны жизни в агрессивных текстах рассматриваются только с точки зрения недостатков (представляется, что вокруг все плохо, отвратительно, мерзко, страшно);*
- призван настроить людей на отрицательное отношение ко всему окружающему, создать вокруг человека некий отрицательный ореол;*
- лексика текстов агрессивного типа в целом нейтральна, иногда встречается разговорная лексика, а также совсем редко можно обнаружить вульгаризмы и стилистически сниженные языковые обороты;*
- стилистические приемы текстов агрессивного типа - много эпитетов, как правило, имеющих негативную окраску, сравнений, гипербол, иногда встречаются метафоры, сарказм, аллюзии, пословицы и поговорки, нередко*

можно обнаружить эпиграммы, цитаты, а также ссылки на авторитеты;

- предложения в основном простые или сложносочиненные, реже сложноподчиненные с одним или несколькими придаточными предложениями.

Пунктуация в данных текстах достаточно яркая: много восклицательных, вопросительных знаков, тире, двоеточий, особенно в листовках, короткие абзацы;

В тексте эмоциональное состояние выражается/ передается через экспрессивную лексику в подчеркнуто негативной коннотации выражающую:

а) социальный стресс, - например, деградация, нищета, разрушение, упадочничество, насилие, разврат, преступления, порочная власть, рабство, нищета и др.;

б) эмоциональный стресс, - например, горький, безысходный, враждебный и др. беды и унижение, угроза, предательский, и др.;

в) вегетативный стресс – например, не в силах прокормить, голодные и обездоленные, жить впроголодь, ниже прожиточного уровня, чем прокормить и др.;

г) экзистенциальный стресс, — например, самоубийства, умереть, умирают, повышенная смертность, смертельная опасность, "Россия или Смерть!", число умерших, похороны и др.

Конец текста всегда является более светлым, активным и может призывать к активным действиям или программировать на какое-либо действие. Например, бороться за.., в т.ч. за справедливость, за светлое будущее и т.п., бороться против чего-либо... Текст окончания содержит лексику, принадлежащую к семантическим категориям "уникальный" (удивительный, феноменальная способность, способность к самоорганизации, чрезвычайное долготерпение, неповторимый, уникальная история и др.), "жизнь", "борьба" (доблесть, упорство, терпение, бороться, упорная борьба, спасение и расцвет, восстанавливать, взлет к вершинам, духовная сила и др.).

Прием используется для того, чтобы сначала осуществить некоторую «деструктивную проблематизацию» читателя за счет неадекватного

представления окружающего его мира, удаляющего его от решения. Это заставляет читателя переоценивать существующую реальность, а демонстрация в конце текста возможности «иного» — иного поведения, действия, отношения к чему-либо как цели разрешения возникшего затруднения, - способно обсудить к принятию предложенного решения.

Грамотно построенный текст агрессивного типа вводит людей в тревожное состояние, каким бы хорошим ни было их настроение до его прочтения, и передает читателям неререфлексируемую агрессивность. Человек, не осознавая конкретно причину возникшего состояния, становится раздраженным, озлобленным. При умелом руководстве людьми, находящимися в стрессовом эмоциональном состоянии под воздействием агрессивного текста, их можно использовать для провокационных асоциальных действий.

Итак, под термином «агрессивный текст» Крюкова (и др.) понимает: «*текст, направленный на передачу определенного эмоционального состояния читателю*». Использование такой формулировки позволяет Крюковой (и др.) объявлять любой текст агрессивным. При этом перечисленные ею характеристики такого текста противоречивы. Так, например, «*агрессивный текст характеризуется обилием негативно окрашенной лексики [...]*» и «*его лексика в целом нейтральна*».

Среди перечисленных характеристик «агрессивных текстов» названы следующие: «*предложения в основном простые или сложносочиненные, реже сложноподчиненные с одним или несколькими придаточными предложениями. Пунктуация в данных текстах достаточно яркая: много восклицательных, вопросительных знаков, тире, двоеточий, особенно в листовках, короткие абзацы*». Однако нет никаких общепризнанных научных исследований, подтверждающих это. Указанные структурные типы предложений (простые, сложносочиненные, сложноподчиненные) характерны для любых типов текстов/речи, для любых жанров речи и поэтому не могут быть сущностными признаками какого-то одного (а именно «агрессивного») текста. Все, сказанное про «текст агрессивного типа» отражает ненадлежащие специальные знания в области стилистики и синтаксиса текста,

отсутствие у Крюковой (и ее коллег) базовых специальных знаний в области лингвистики.

Характеристики агрессивного текста, приводимые Крюковой (и др.) — цитата из работы Е. А. Репиной «Агрессивный текст как тип текста»²³, — на что в некоторых заключениях дана ссылка. Однако Крюкова (и др.) не принимает во внимание тот важный факт, на который Е. А. Репина **прямо указывает**. А именно, что данные, изложенные в статье, получены **в ходе эксперимента** в рамках исследования политических **текстов профессиональных политиков**, а именно: текстов «Российского национального единства» (Александр Баркашов), «Движения в поддержку армии» (Виктор Илюхин, Альберт Макашов), «Коммунистической партии РФ» (Геннадий Зюганов), некоторых текстов «Либерально-демократической партии России» (Владимир Жириновский). Как пишет Е.А.Репина,

[В] данной статье нами рассмотрен только один из трех типов политического текста, выделенных нами в результате эксперимента. Представленный нами на основе проведенного эксперимента лексико-семантический анализ, является психолингвистическим в своей основе и дает возможность упорядочить некоторые представления как о психологических, так и о лингвистических параметрах воздействия политических текстов (Репина, 2000).

Тем самым, понятие *агрессивного текста* как методический подход, заявленный Крюковой (и др.), **не относим** к объектам исследования, так как автор/ авторы представленных на исследование текстов не являются профессиональными политиками; методика, примененная в эксперименте Е. А. Репиной, **не является** общепринятой научной методикой в лингвистике (разработана Е. А. Репиной для проведения конкретного эксперимента).

23 Е.А. Репина, 2000, «Агрессивный текст как тип текста». 14 декабря 2000.
<http://www.textology.ru/article.aspx?aId=102>

8 Корпус текстов

В № 382/16, № 05/17, 250/17 Крюкова и ее коллеги излагают *теоретические положения*, лежащие в основе их исследования, и обращаются к понятию «корпус текстов». Корпусная лингвистика, как указывают и сами эксперты, исследует массивы текстов (*корпусы текстов*), то есть «*большой, представленный в электронном виде, унифицированный, структурированный, размеченный, филологически компетентный (объединенный общим логическим замыслом — доминантой корпуса) массив языковых данных, предназначенных для решения конкретных лингвистических задач...*». При этом представленные на исследование материалы не соответствуют указанным требованиям: они не унифицированы, не структурированы, не размечены, не снабжены какой-либо поисковой системой. Получается, либо **Н. Н. Крюкова (и др.)** исследовала некие электронные корпусы текстов, которые **самостоятельно (с коллегами) собирала для производства экспертиз, что не допустимо**; либо **эксперты группы, в которую входила Н. Н. Крюкова**, применяли методы, **не относимые** к объектам исследований. На обоснованность такого допущения указывает, например то, что в № 382/16 экспертам были предоставлены «*копия акта осмотра Интернет-ресурсов*», «*1 компакт-диск с материалами в электронном виде*»; в № 250/17 экспертам были представлены *скриншоты в файле формата Word* (с. 13/39) и т.д. Нет никаких свидетельств, что Крюкова с коллегами исследует *корпус текстов*, соответствующий критериям, ими самими названными.²⁴

9 Примитивное обесценивание (лингвоцинизм).

В № 382/16 (с. 8), 05/17, 250/17, 401/17 эксперты вводят понятие «*примитивное обесценивание*», определяя его как «*...механизм переопределения картины мира, который заключается в преуменьшении влияния и значимости, а иногда и отсутствие некоторых аспектов себя, других или реальной ситуации*» и указывая на

²⁴ Крюкова (и др.) указывает, что «*корпус отличается от простого собрания текстов наличием разметки (возможностью поиска слов и словосочетаний по различным критериям)*» (см., например, № 382/16, с. 5, 6)

«лингвистические признаки обесценивания». Однако понятие **обесценивание** — термин психологии личности, применимый к исследованию личности человека, в лингвистике не применяется. Также он не используется при установлении наличия/отсутствия лингвистических признаков экстремизма/терроризма.

Вводимое авторами понятие «лингвоцинизма» тоже **не относимо** к экспертным задачам и объектам исследования. Оно применяется в теории культуры речи (и соответствующей практике) как в дисциплине прежде всего этической.²⁵

В № 401/17 (с. 13-27) в разделе «Методологические основы анализа» методологическая база (лингвистический аспект) и соответствующие лингвистические методы, подходы, заявленные Крюковой (и др.), **не относятся** к методам, подходам для решения экспертных задач при исследовании соответствующих объектов (здесь печатные тексты). Так, на с. 15-16 эксперты указывают «*[С]овременные медиа-ресурсы, к которым относятся группы интернет пользователей, используют креолизованный текст... При анализе страниц социальных сетей их содержание можно рассматривать как корпус креолизованных текстов...*». При этом **объектами исследования являются печатные тексты**, а не интернет-публикации и не социальная сеть. Тем самым, заявленный подход **не относим к объектам исследования**.

На с. 16 в этом же исследовании эксперты указывают «*[П]аралингвистический контекст создается паралингвистическими средствами, т. е. свистом, смехом, шепотом и другой некодифицированной фонацией, а также мимикой, жестами, телодвижениями*». При этом **объектами исследования являются печатные издания**, в которых не содержится ни каких-либо звуков, ни мимики и жестов. Тем самым, заявленный подход **не относим к объектам исследования**.

Таким образом, анализируемые экспертные заключения **не содержат** анализа и интерпретации объектов исследований (коммуникативных процессов, текстов

25 См. определение «лингвоцинизма», данное А. П. Сковородниковым в статье, на которую в том числе ссылаются Крюкова и коллеги: «Слова, обороты речи и целые высказывания, в которых нашел отражение цинизм индивидуального или группового мышления (мировоззрения)».

различного типа), **не содержат** формулировок аргументированных умозаключений и выводов.

Подходы и методы, заявленные Н. Н. Крюковой (и др.), не относимы к объектам исследования или не являются верифицируемыми, научными методами, принятыми в современной лингвистике.

10 Вопросы, не подлежащие решению

В № 05/17 Крюкова (и др.) отвечает на вопрос № 4²⁶, дает на него категорически положительный ответ: *«Данные призывы способны воздействовать на волю и сознание людей, побуждая их к совершению конкретных действий»* (с. 18/138). Тогда как ведущие эксперты по делам, связанным с противодействием экстремизму, терроризму, указывают, что вопрос о характере, степени реального воздействия конкретного материала (в том числе, текстов) на совокупность психических процессов и состояний, сознание и деятельность потенциального адресата **не может быть решен современной психологией и лингвистикой как наукой, ввиду отсутствия в арсенале этих наук инструментария, позволяющего провести объективный анализ перечисленных феноменов.** Невозможно обнаружить, доказать либо опровергнуть существование достоверной причинно-следственной связи между восприятием потенциальным адресатом каких-либо текстов и какими-либо изменениями в субъективном отражении объективной действительности в идеальных образах, на основе которых регулируется взаимодействие с внешней средой, т.е. в психике потенциального адресата.

Постановка перед экспертами/ специалистами вопроса о воздействии на психику адресата материалов по делам, связанным с противодействием экстремистской деятельности, является необоснованным расширением объема доказывания и противоречит требованиям ст. 2 Федерального закона «О государственной экспертной деятельности в Российской Федерации». Согласно этой статье, «задачей

26 «№3. Содержатся в представленных материалах лингвистические и психологические признаки побуждения (в том числе в форме призыва) в каком-либо насильственным, дискриминационным, деструктивным действиям?»
№ 4. При наличии таковых призывов, способны ли они воздействовать на волю и сознание людей, побуждая их к совершению конкретных действий?»

государственной судебно-экспертной деятельности является оказание содействия судам, судьям, органам дознания, лицам, производящим дознания, следователям и прокурорам в установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу, посредством разрешения вопросов, требующих специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла»²⁷.

Крюкова (и др.) не указывают, на каком основании, при помощи каких методик, процедур, ею был дан ответ на вопрос № 4. Таким образом, **вывод по вопросу № 4 не обоснован, не основан на общепринятых научных данных, вступает в противоречие с объективным состоянием лингвистики и психологии как наук, что противоречит принципу объективности.**

11 Понятийный и терминологический аппарат

В № 228/15, 235/15с в разделах *«Методологические основания анализа»* эксперты приводят *«Терминологический словарь»*, который включает набор терминов/понятий из разных областей (*агитация, барьеры психологические, лозунг, «образ врага», пропаганда, порочность, усвоение, ущерб*). Некоторые – *ущерб, порочность* – никак не соотнесены с решением экспертных задач. При этом определение понятию *«барьеры психологические»* дано по *«Душков Б. А., Королев А. В., Смирнов Б. А. Энциклопедический словарь: Психология труда, управления, инженерная психология и эргономика, 2005 г.»*; а термин *«усвоение»* - через отсылку к *«Большой советской энциклопедии»*, которая дается без ссылки на конкретное издание. Это указывает на произвольность и случайность приводимого терминологического ряда, на отсутствие необходимых навыков научной работы с первоисточниками.

В № 228/15 (с. 167) Н. Н. Крюкова (и др.) в разделе *«Методологические основания анализа»* приводит толкование религиозного экстремизма:

²⁷ См. об этом, например: Ратинова Н.А., Кроз М.В. О противодействии экстремизму негодными средствами: правовой, психологический и этический аспекты // Теория и практика судебной экспертизы: Научно-практический журнал: Министерство юстиции России. 2013. № 1 (29). С. 35-42.

«IV. Религиозный экстремизм понимается как религиозная активность, направленная за пределы религиозного сообщества, имеющая антиобщественный характер (в той или иной степени выражающая неприятие светского общества и других религий), ведущая к искажению мировоззрения личности и серьезным психическим аномалиям».

Если принимать это определение как методологическую основу, то, например, радикальных исламистов следует лечить, а не судить, а для отнесения каких-либо действий к категории религиозного экстремизма, согласно введенному экспертами определению, следует установить факт «серьезных психических аномалий», к которым приводят такие действия. При этом в дальнейшем эти понятия в тексте заключения **никак не используются.**

В № 05/17 (с. 9/129, 10/130) Н. Н. Крюкова (и др.) дает понятие «*Стилистически сниженной лексики*», приводя в качестве примеров слова *хач* (*хачи, хачики*), *чурки* (*чурка, чурбан*), а также слово *терроризм* (!!!).

Толкование слов *хач, чурки* в № 05/17 заужено и не подтверждено лексикографическими источниками, что обязательно при проведении лингвистического исследования. Так, например, Крюкова Н. Н. (и др.) определяет слово *чурки* (*чурка*) как *оскорбительные прозвища представителей народов Средней Азии*, сужая объем слова²⁸. То же в № 381/13: эксперты буквально запутались в толковании слова *чурка*, отнеся оценочно нейтральное значение «короткий обрубок дерева» и

28 *Чурка* — презрительно: кавказец как представитель этносов Северного Кавказа, Закавказья; азиат как представитель этносов Азии, чаще Средней Азии. См., например: Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона (речевой и графический портрет советской тюрьмы) / Авторы-составители Д.С. Балдаев, В.К. Белко, И.М. Исупов. М., 1992; Быков В. Русская фея. Смоленск, 1994; Коровушкин В.П. Словарь русского военного жаргона: нестандартная лексика и фразеология вооруженных сил и военизированных организаций Российской империи, СССР и Российской Федерации XVIII-XX веков. Екатеринбург, 2000; Елистратов В.С. Словарь русского арго: Материалы 1980—1990-х гг. М., 2000; Мокиенко В.М. Словарь русской брани (матизмы, обсценизмы, эвфемизмы). СПб., 2003; Словарь современного русского города / Под ред. Б.И. Осипова. М., 2003; Химик В. В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб., 2004; Грачев М.А. Словарь современного молодежного жаргона. М., 2006; Никитина Т.Г. Молодежный сленг: толковый словарь: ок. 20 00 слов и фразеологизмов. 2-е изд., испр. и доп. М., 2009; Григоренко О.В. Новые наименования лиц в современном русском языке. Словарные материалы. Воронеж, 2009; Никитина Т.Г. Ключевые концепты молодежной культуры: тематический словарь сленга. СПб., 2013; Химик В. В. Толковый словарь разговорно-обиходной речи: В 2 т. Т. 2. СПб., 2017.

пренебрежительно оценочное значение «недалекий, глупый, необразованный человек» к разряду арготических.

Таким образом, анализ слов (продуктов речевой деятельности), представленный экспертами, **не основан на общепринятых научных лексикографических данных**, что противоречит принципу объективности; Н. Н. Крюкова (и др.) **не обнаруживает** (возможно не владеет) практические навыки интерпретации лексикографических данных. Также она **не обнаруживает** владение понятийным и терминологическим аппаратом лингвистики. Утверждения Н. Н. Крюковой **не соответствуют** научным основам о языковой системе, в частности, о лексическом составе общенародного языка (не различает лексику, ограниченную в сфере употребления, и лексику общеупотребительную). Тем самым, Н. Н. Крюкова не обнаруживает/не предъявляет владение базовыми знаниями специалиста-лингвиста.

Крюкова Н. Н. **не обнаруживает** владение понятийным и терминологическим аппаратом лингвистики и в № 311/13. В этом заключении эксперты, в том числе Н. Н. Крюкова, не различают кавычки как символический письменный знак и жест, обозначающий кавычки. На с. 5 этого документа читаем: «...*религия Победы – это все, что осталось в России “святого” [кавычки подчеркнуты жестами рук]*», на с. 6: «...слово “*святое*” пренебрежительно заключено в кавычки». Объект исследования - устная речь, соответственно, возникает вопрос: как в разговоре что-то можно заключить в кавычки (*заклЮчить в кавычки* – поставить знак кавычек «» на письме).

То же можно сказать и о владении аппаратом религиоведения. Так, в Справке № 235/15 приводится следующее определение *религиозного экстремизма*: «Религиозный экстремизм понимается как религиозная активность, направленная за пределы религиозного сообщества, имеющая антиобщественный характер (в той или иной степени выражающая неприятие светского общества и других религий), ведущая к искажению мировоззрения личности и серьезным психическим аномалиям» (с. 16). Такое определение религиозного экстремизма не соответствует общепринятому в мире или в России. Так, под религиозным экстремизмом понимается идеология и практика, нарушающая конституционные права и свободы человека и угрожающая общественному порядку. В понимании авторов Справки, в том числе Н. Н. Крюковой,

такое определение чрезвычайно неопределенно и может быть применено буквально к любой религиозной традиции. Предполагается, в частности, что «антиобщественный характер» идентифицировать общезначимым образом проще, чем «нарушение конституционных прав и свобод человека».

Крюкова Н. Н. в № 05/ 17(с. 10/130, 11/131), 250/17 (с. 11/39, 12/38) обращается к субкультуре неонацистов. Но не ясно, какое отношение к решаемым вопросам имеет раздел «Понятия, связанные с субкультурой неонацистов» (с. 11/39, 12/38). Этот раздел содержит большой объем сведений, никак не соотносимых с вопросами, поставленными на разрешение экспертов, и не относимых к решаемым экспертным задачам. Так, например, в № 250/17 Крюкова Н. Н. (и др.) зачем-то (вероятно, для объема заключения) излагает историю употребления нацистского приветствия, тогда как никакого вопроса об истории этого либо иного приветствия на разрешение экспертов не ставилось. В другом случае Крюкова Н. Н. (и др.) зачем-то рассказывает о законодательстве Германии и Австрии. В некоторых случаях даны отсылки к другим документальным источникам: *«Зиг хайль!... Адольф Гитлер и другие вожди партии чаще всего повторяли эти слова в конце своих речей троекратно... — что явствует из «Триумфа воли» и других документальных источников»* (с. 12/38). Какие другие источники доступны и использовались экспертами, совершенно не понятно (и не может быть понятно, потому что изложенная ими информация не имеет никакого отношения к решаемым экспертным задачам). При этом в соответствующем разделе заключения не содержится никакого упоминания свастики, которую эксперты обнаружили бы в исследовательской части работы.

В № 382/16, 05/17 в разделе «Понятия, связанные с субкультурой неонацистов», сведения, приводимые Крюковой (и др.), вызывают недоумение отсутствием не только четкости, но и здравого смысла, абсурдностью. Например: *«Маска-балаклава — головной убор в виде мешка с прорезями для глаз и рта. Используется различными силовыми структурами. Нацисты часто носят такую маску во время интервью, чтобы не быть узнаваемыми»* (с. 9; с. 11/131). При этом определение «маски-балаклав» не имеет никакого отношения к анализу текстов, представленных экспертам на исследование. Отсутствуют какие-либо сведения о том, что автор анализируемых

текстов — нацист/неонацист или представитель силовых структур. Но и в этом случае было бы не понятно, почему именно «балаклава» становится предметом разбора.

Таким образом, понятийный и терминологический аппарат, используемый Н.Н. Крюковой в указанных исследованиях, не соответствуют понятийному и терминологическому аппарату, используемому в современных гуманитарном и социальном знании; во многих случаях Н.Н Крюкова использует понятия и термины, не соответствующие общепринятым в науке.

12 Список литературы

Список литературы, приводимый в заключении, должен содержать перечень справочных материалов и нормативных документов (с полным указанием их реквизитов), а также должен содержать указания на методические материалы, которыми эксперты/ специалисты руководствовались при решении поставленных перед ними вопросов. Согласно этому требованию, указанные источники должны содержать методические рекомендации, касающиеся производства комплексных (психолого-лингвистических, психолого-лингвистических религиозных экспертиз) по предмету анализируемого исследования.

Одним из признаков научной квалификации является использование современной научной литературы в определенных областях знаний, которые являются областью профессиональной экспертизы того или иного специалиста.

Как показывает обзор списков литературы, приведенных в заключениях, в них представлены **либо издания, в которых не содержится какого-либо признанного научно-методического подхода, применяемого в производстве соответствующих исследований, либо содержатся непроверенные, не введенные в научный обиход подходы и данные.**

Так в № 309/13, 311/13, 381/13, 381/13а, 228/15, 235/15, 382/16 Крюкова Н. Н. (и др.) ссылаются на электронный «СЛОВАРЬ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА», размещенный в глобальной информационно-телекоммуникационной сети Интернет на сайте

<http://www.biometrica.tomsk.ru>. Каких-либо сведений о составителях, объеме, выходных данных, предназначении, рекомендованной сфере применения указанного словаря источник не содержит. Следовательно, этот источник **не относится** к общепринятым научным и практическим данным.

Заключение экспертов № 147/16с завершается списком нескольких источников, связь которых с текстом исследования отсутствует. Так, в качестве источника приведен Указ Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения», который никак не связан с решением экспертных задач.

Анализ списка литературы, использованного в вышеперечисленных заключениях, показало, что в них указаны источники, которые не могут быть отнесены к научным. Так, в Справке об исследовании №235/15 из 10 источников, составляющих список научной литературы, один является учебником, второй – «Словарем по правам человека» неизвестного происхождения, два – некорректные ссылки на публикации авторефератов кандидатских диссертаций. Те же источники без изменений приведены в 228/15.

В Заключениях № 309/13, 311/13 в списке литературы еще меньше источников – словарь по правам человека и три текста по стилистике, при этом один из них – учебник. Обратим внимание на то, что все эти исследования посвящены деятельности религиозной организации «Свидетели Иеговы»²⁹, что требует, как минимум, знания базовой религиозоведческой литературы. Оснований считать, что таковая Н. Н. Крюковой (и др.) известна, у нас нет оснований. Показательно, что та же, без изменений, литература – три источника по стилистике и один по правам человека – указана и в исследованиях № 381/13 и 381/13а, связанных с высказываниями праворадикального толка.

В Заключении экспертизы № 401/17 список литературы отсутствует вовсе – в предположительно сложном научном междисциплинарном заключении список

²⁹ Решением [Верховного суда РФ](#) деятельность религиозной организации «Управленческий центр свидетелей Иеговы в России» и всех его региональных 395 отделений признана экстремистской и запрещена на территории страны.

литературы состоит из одного названия – методической рекомендации РФЦСЭ (которая, как показано выше, используется неверно). Таким же образом отсутствуют научные источники в № 252/18.

Таким образом, в исследованных экспертизах практически отсутствуют доказательства того, что Н. Н. Крюкова (и др.), использует современное научное знание. Отсутствие списка научной литературы или наличие нескольких публикаций в обширном исследовании, заявленном как «лингвистико-психолого-религиоведческое», позволяет утверждать, что **эти исследования не обладают должным научным аппаратом, включая научные источники.**

11 Общий вывод рецензии

Итак, научно-профессиональный уровень эксперта АНО «Центр социокультурных экспертиз» Н. Н. Крюковой [специальность «учитель математики» (1981), кандидат педагогических наук (1987, диссертация «Формирование эстетических суждений старшеклассников в процессе внеклассных занятий по искусству» по специальности 13.00.01: Общая педагогика, история педагогики и образования)] оценить не представляется возможным в связи с отсутствием данных в открытых источниках о ее научной квалификации, научной аттестации, научно-методических публикаций и научно-практической деятельности данного эксперта в таких областях знаний, как филология, лингвистика, культурология, религиоведения, социология, психология, сексология.

В рецензируемых экспертизах с участием Н. Н. Крюковой общепринятые подходы и методы либо полностью отсутствуют, либо используются неверно, искажаются, фальсифицируются, в том числе посредством использования методов, не относимых к объектам исследования; понятийный и терминологический аппараты не соответствуют общепринятому в науке, списки научных источников либо отсутствуют, либо носят в целом справочный характер. Ссылаясь на методическую литературу, Крюкова фальсифицирует предлагаемые в ней подходы; выдает за научный анализ объектов с точки зрения обыденного, ненаучного представления о языке, языковых

средствах. Такого рода фальсификации не только негативно влияют на репутацию лингвистики и других наук, но и зачастую ложатся в основание обвинительных приговоров, будучи некритически приняты судами.

Перечень рецензируемых заключений экспертов и справок об исследовании, в производстве которых одним из экспертов / специалистов была Н. Н. Крюкова

1. Н.Н. Крюкова, В.А. Батов. Заключение экспертов № **309/13** от 28.10.2013 по уголовному делу № 99077 (СО по особо важным делам по г. Сергиев Посад ГСУ СК РФ по МО)
2. Н.Н. Крюкова, В.А. Батов. Заключение экспертов № **311/13** от 13.11.2013 по уголовному делу № 804952 (Кунцевский МРСО СУ по ЗАО ГСУ СК РФ по г. Москве)
3. Н.Н. Крюкова, В.А. Батов. Заключение экспертов № **381/13** от 25.12.2013 по уголовному делу 804952 (Кунцевский МРСО СУ по ЗАО ГСУ СК РФ по г. Москве)
4. Н.Н. Крюкова, В.А. Батов. Заключение экспертов № **381/13а** от 30.12.2013 по уголовному делу 804952 (Кунцевский МРСО СУ по ЗАО ГСУ СК РФ по г. Москве)
5. Н. Н. Крюкова, А.Е. Тарасов, В.С. Котельников. Заключение комиссии экспертов № **228/15** от 22.07.2015 (Курганский городской суд)
6. Н.Н. Крюкова, А.Е. Тарасов, В.С. Котельников. Справка об исследовании № **235/15** от 31.07.2015 (ЦПЭ управления по г. Москве и Московской области А.Е. Доценко)
7. Н.Н. Крюкова, А.Е. Тарасов. Заключение комиссии экспертов № **382/16** от 14.12.2016 (Кунцевский межрайонный округу СК Москвы)
8. Н.Н. Крюкова, А.Е. Тарасов. Справка об исследовании № **147/16** от 02.05.2017 (Прокуратура г. Москвы).
9. Н.Н. Крюкова, А.Е. Тарасов. Заключение экспертов № **05/17** от 12.01.2017 (СО г. Воскресенска ГСУ СК по Московской области)
10. Н.Н. Крюкова, А.Е. Тарасов. Справка о психолого-лингвистическом исследовании № **147/16** от 02.05.2017 (Прокуратура г. Москвы)
11. Н.Н. Крюкова, А.Е. Тарасов. Заключение экспертов № **250/17** от 07.08.2017 (СО г. Воскресенска ГСУ СК по Московской области)
12. Н.Н. Крюкова, В.И. Батов, В.С. Котельников, А.Е. Тарасов. Заключение экспертов № **401/17** от 15.12.2017 (Московский областной суд)
13. Н.Н. Крюкова, А.Е. Тарасов. Заключение экспертов № **252/18** по уголовному делу №№ 11702450011000001 от 25.06.2018
14. Н.Н. Крюкова, А.Е. Тарасов. Заключение экспертов № **271/18** от 18.07.2018 по уголовному делу № № 11702450011000001